

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, вы проигнорировали предупреждение системы трижды. Система более не несет ответственности за дальнейшее развитие событий. Роль фигуры «Мо Юй» из начальной арки «Демон поветрия» стремительно меняется. Система крайне не рекомендует далее продолжать сближение. Это может привести к изменению сюжетной линии, тогда система не будет знать дальнейших последствий.

Янь Шэнли слегка улыбнулся и с поразительной легкостью, даже каким-то удовлетворением, связвил:

«Что такое, почему так занервничала? Ты же на протяжении этого дня только и делала, что издевалась надо мной, а теперь чего переживать?»

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, вы совершаете огромную ошибку. Система выбрала вас для изменения сюжета без эмоциональной привязки к другим фигурам, особенно второстепенным. Пользователь, не будьте последним из дураков и срочно дистанцируйтесь от фигуры «Мо Юй».

«А то что? Моя душа будет «незамедлительно уничтожена»? Ты уже пыталась это сделать, но я все еще здесь».

[Голосовой помощник]: — Бю напоминает пользователю, что вы все еще находитесь здесь потому, что система даровала вам шанс изменить сюжет и пожить еще одну жизнь. Ваше тело в изначальном мире давно пропало в морской пучине, так почему бы вам не поблагодарить эту ничтожную систему за возможность пожить еще немного? Мои «переживания», как вы это назвали, являются следствием анализа рисков. Эмоциональная привязанность к NPC усложняет расчеты и повышает вероятность отклонения от оптимального пути. Ваши шансы на выживание уже упали на сорок процентов. Система не издевается. Система оптимизирует процесс. Забота не входит в перечень ваших системных задач. Ваша цель – Вэн Лицзянь. Излишняя эмоциональная вовлеченность в судьбу второстепенных персонажей ведет к потере баллов, ресурсов и, в конечном итоге, к снижению и без того мизерных шансов на успех.

Янь Шэнли замер, и в ту же секунду все его существо, еще мгновение назад наполненное дерзостью, вдруг опустело. Тонкие губы, только что подернутые вызывающей усмешкой, разомкнулись, и всё выражение его лица изменилось, сделавшись растерянным и пустым, как у ребёнка, внезапно очнувшегося от глубокого сна.

«Ваше тело в изначальном мире давно пропало в морской пучине...»

Слова крутились и крутились, повторялись и повторялись в сознании, на языке, даже перед глазами. Как будто застыли, сделавшись осязаемыми, острыми, словно множество шипов, что точно были направлены на Янь Шэнли. Они проникли в него со всей своей драматичной тяжестью, прощупывая каждую его клетку, разгоняясь по телу, как разгоняется адреналином кровь. В первую секунду, как это всегда бывает с человеком при внезапном и страшном известии, душа отказалась верить и принимать услышанное.

«Нет, нет, нет, нет, нет».

Вдох короткий и прерывистый.

«Не хочу, не может быть».

Свистящий выдох и жжение в глазах.

«Зачем ты мне это говоришь? Думаешь, если напугаешь, то я скорее побегу с радостью плясать под твою дудку?»

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, система не станет вам лгать. Будь возвращение возможным, разве система стала бы утаивать это от вас? Подумайте: это был бы ваш главный стимул.

Дрожь.

Сначала в кончиках пальцев.

Потом в коленях.

Затем опасно глубже - в самой груди, что теперь служило клеткой для ошалелого сердца. Еще немного, и оно точно сломает ему ребра.

«Нет, нет, нет, нет, откуда мне знать, с какой целью ты мне лжешь?!»

Янь Шэнли почувствовал, как закачался мир, поплыл, лишаясь твердой опоры. Он инстинктивно выставил руку вперед, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но пальцы нащупали лишь воздух. Колени глухо ударились об землю, и даже мягкая трава не смогла смягчить падение, скрыв несколько острых камней. Но сейчас это было ничто. Просто ни-че-го по сравнению с новой, мрачной реальностью.

Мо Юй вздрогнул, быстро оборачиваясь на звук, и, трактуя реакцию Люй Сюина по-своему, зарыдал с новой силой. Даже Лао Гун обратил свое внимание на этих двоих, а когда увидел очередную сопливую сцену, закатил глаза.

— Шифу, - сделав еще одну попытку позвать учителя, адепт аккуратно коснулся плеча заклинателя.

Прикосновение наконец вырвало Ши Мэнъяо из капкана собственных размышлений. Он медленно оторвал взгляд от свежего погребального холмика, где земля ещё хранила влажность

ночных слез, и посмотрел на прильнувших друг к другу фигур.

Мо Юй, словно переняв невысказанную эстафету, обвил руками голову Люй Сюина и прижал её к своей груди. Детские пальцы с неожиданной мягкостью вплелись в тёмные пряди волос, повторяя утешительный жест, который сам получил лишь недавно. Мальчик героически смотрел перед собой, не отводя взгляда, а по его щекам, не переставая, катились хрустальные слезы. Два сгорбленных силуэта сидели на промерзшей земле, словно не чувствуя пронизывающего холода. Лишь изредка легкая дрожь пробегала по их плечам, но было непонятно, то ли это от утренней сырости, то ли от подавленных рыданий. Предраассветный ветерок трепал их волосы, смешивая запах влажной земли со сладковато-гниющим ароматом опавших листьев.

Потеря отца в столь юном возрасте... судьба и впрямь обладала изощрённой жестокостью. Хотя разве могло быть иначе в этом мире, где само небо давно отвернулось от людских страданий?

Обжигающие слезы внезапно сорвались с ресниц Янь Шэнли. Он даже не сразу осознал, что плачет, только когда кончики пальцев коснулись влажных щек. Казалось, стрелка часов вдруг застыла, останавливая и мир вокруг, забирая с собой и шум ветра, и пение сверчков в густой зелени, и даже тихое шмыганье Мо Юя, оставляя один сплошной белый вакуум. Жизнь блекла с каждым щебетом птиц, словно свежерасписанный холст окатили ведром воды, и краски смешались в одно грязное пятно.

Надежда, из которой парень черпал свой тайный запас сил, и причина, по которой он двигался дальше - все это превратилось в горстку пепла. И как бы он ни старался его удержать, тот все равно просачивался сквозь пальцы, рассеиваясь на ветру. Он ведь каждый раз, каждый треклятый раз цеплялся за воспоминания о доме, слышал шум знакомого города за окном, чувствовал запах любимого грушевого чая и даже пороссячий визг надоедливой соседки, разносившийся чуть ли не на весь дом всякий раз, когда та ругалась с матерью своего муженька, не раздражал так сильно. Но увы, теперь это все безвозвратно превратилось в одни лишь воспоминания.

Благодаря Бю.

И это вроде бы ясное, но в тоже время ужасающее осознание отозвалось в нем всеобъемлющей пустотой. Все, что он знал, что составляло его прошлое «Я», все привычное, в котором он рос, все было уничтожено одной короткой мыслью: «Не вернешься. Никогда». Нутро, органы, даже сама душа внезапно испарилась. Должно быть, его прежнее тело уже медленно разлагалось на морском дне, или того хуже - ее уже давно поглотили морские обитатели. Система сказала «пожить еще одну жизнь», но какой смысл жить не свою жизнь? Притворяться, играя отведённую роль совсем другого человека. Эти смутные, но сильные чувства, что пробуждались в нем при виде Ши Мэньяо - щемящая тоска, ощущение давней, почти родственной связи... разве принадлежали они ему? Нет, они были лишь отголоском чужой души, тенью прошлого того, чье изящное, бледное, как бы выточенное из фарфора лицо теперь он видел в каждом отражении. Как можно идти вперед, когда единственный указанный путь - это воля системы, а собственное сердце разбито и потеряно в лабиринте чужих воспоминаний и чужой тоски?

«Слова отца...»

Точно. Последние слова отца. Кто бы знал, что они станут напутствием и главной истиной в этой новой реальности.

Янь Шэнли обвил талию Мо Юя руками, завлекая того в более крепкие объятия. Он тихонько шмыгнул, стискивая мальчика чуть сильнее. Если возврата нет, значит, и терять больше нечего... кроме собственной жизни. А если нечего терять, то почему бы не попытаться прожить эту украденную жизнь так, как он считает нужным, а не так, как предписывает холодная машинная логика?

Спасти мир? От уничтожения? От злодея? Да кто он такой, чтобы что-то менять. Он никогда не считал себя «героем», и сколько бы система ему не приседала на мозги, Янь Шэнли все еще не чувствовал себя тем, кто серьезно поверит в свою «избранность». Как же он устал от этих метаний между «мне это не нужно» и «почему бы не попробовать». Это напрягало, утомляло и вводило в еще больший стресс. Это было схоже с чувством перед важной встречей или выступлением — до него еще ждать и ждать, готовиться и готовиться, но тем не менее чувство тревоги с каждым разом только сильнее клюет, тюкая, словно зубная боль.

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, ваши эмоциональные намерения к фигуре «Мо Юй» достигли критической отметки. Взаимодействие с данной сюжетной веткой более не отслеживается. Предупреждаю: каждое ваше решение теперь будет иметь необратимые последствия, которые система не сможет скорректировать.

Янь Шэнли даже не дрогнул. Он не ответил системе, все было сказано и так.

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, чтоб вы знали, система не одобряет ваш выбор. Этой системе не нравится фигура «Мо Юй». Предупреждение: будьте готовы к негативному отношению от никчемной Бию к этому второстепенному персонажу.

Янь Шэнли фыркнул, наконец отлепляя от себя «второстепенного-персонажа-критическую-ошибку».

«Ну и отлично. Мне твое разрешение без надобности».

Ши Мэньяо устало ответил Лао Гуну:

— Ты прав.

Адепт, стоявший в нескольких шагах, выбивал нервную дробь пальцами по рукояти Вэнлин. Приглушенный звук, сухой и резкий, нарушал утреннюю тишину подобно треску ломающихся веток.

— Шифу, тогда чего же мы ждём?

В памяти Янь Шэнли всплыли все те недавние слова Ши Мэнъяо и мольбы Мо Юя. Неужели они собираются просто развернуться, вильнуть своим пушистыми лисьими хвостами и, не оглядываясь, просто оставить мальчика около могилы Мо Хаожаня?! Янь Шэнли вскочил с земли, сжав ладонь ребенка в своей и потащил его за собой к заклинателям. Ши Мэнъяо уже собирался ответить, но его опередил Люй Сюин, чей голос прозвучал резко и вызывающе, врываясь в и так напряженную атмосферу:

— Мы не можем просто бросить ребёнка одного у могилы отца. Вы что, совсем сердца лишились?

Лучшая защита – нападение. Ослепленный внезапным порывом, который выбил из него все самоистязание, Янь Шэнли решил определить события и взять на себя ответственность за ближайшее будущее сироты:

— Так не пойдет. Представьте себя на его месте. Ему же страшно, у него горе. Если вы его бросите тут, тогда обещаю, я всем покажу ваши настоящие, подлые лица!

[Голосовой помощник]: — Пользователь, вы опять нарываетесь.

Лао Гун покраснел от гнева:

— А ты опять за своё? Нашли время для сюсюканий! – фыркнул подросток, его пальцы забили ещё более яростную дробь по рукояти.

Ши Мэнъяо покачал головой, опровергая ложные обвинения:

— Никто не собирается его бросать.

Мо Юй, услышав это, поднял заплаканное лицо. В его глазах, красных от слёз, вспыхнул робкий огонек, но тотчас же погас.

— Лао Гун, ты отведешь мальчика в постоянный двор. Устроишь его в моей комнате и ни на шаг не отойдешь от него. Понял?

Если бы у Янь Шэнли был свой дом с небольшим садиком на заднем дворе, с раскидистой сливой, и работа, которая приносила бы ему медяки, то он бы немедля забрал мальчика себе. Одно горе на двоих превратилось бы в прочную неразрывную связь. А еще, имей он хоть какой-нибудь статус, то непременно бы отхлестал Лао Гуна по его девственной попке и заставил бы надеть замызганные в соплях одежды.

Лицо Лао Гуна исказилось. Он с нескрываемой брезгливостью окинул взглядом Мо Юя, чьё лицо и руки были испачканы землёй и слезами.

— Шифу! Но я могу помочь с поимкой демона! Зачем мне нянькаться с этим... - он замялся, с трудом подбирая подходящее слово. — ...С этим сопляком?

— Ты ещё будешь со мной спорить? - голос Ши Мэньяо внезапно зазвенел, словно упавшая на камень сталь. — Твоя вспыльчивость и небрежность уже чуть не стоили жизни всем нам в доме Мо Хаожаня. Я не доверю тебе ничего важнее присмотра за ребёнком. Считаю это наказанием за твою глупость с кинжалом.

Действительно, какую тёмную силу надо было иметь в голове, чтобы совать остриё в пульсирующий демонический кокон? Разум явно покинул его в тот момент, уступив место безрассудной отваге.

Лао Гун мгновенно потемнел лицом, сжимая рукоять меча с такой силой, что костяшки побелели. Его губы задрожали от унижения и злости:

— Это несправедливо. Этот мелкий... он воняет детской неожиданностью и могилой! Ему не место в вашей комнате...

Янь Шэнли чуть воздухом не подавился. Он кинул взгляд на Мо Юя, который сначала растерялся от столь откровенного и неожиданного факта о себе, а затем хмуро начал нюхать свою одежду.

«От него самого разит высокомерным дерьмом, но никто же не тащит засранца за шкуру в ближайшую реку», - пронеслось в голове. Разумеется, Янь Шэнли предпочёл оставить эту мысль при себе.

— Я всё сказал, - отрезал Ши Мэньяо.

Подросток, стиснув зубы до скрежета, с ненавистью посмотрел на Янь Шэнли, потом на Мо Юя. Он резко развернулся и грубо схватил мальчишку за руку.

— Пошли, паршивец. Не заставляй меня тебя тащить.

Внезапно преисполнившись неожиданной храбрости, Мо Юй выпрямил спину. Он за секунду превратился из испуганного зайчонка в сердитого котёнка, ошетилившегося и готового пусть в ход коготки. Мальчишка вырвал свою руку из захвата:

— Я сам справлюсь!

Лао Гун в очередной раз закатил глаза так сильно, будто они вот-вот готовы были навсегда застрять в таком положении.

— Я сям спляплюсь, - передразнил он, намеренно искажая слова и корча комическое лицо. — Я тьякой взлофлый!

Ши Мэньяо лишь слегка приподнял бровь и прежде, чем Янь Шэнли успел отреагировать, Мо Юй, все еще с гордо поднятой головой, уверенно шагнул в сторону дороги и... его нога сразу же увязла в грязи. Ребенок закачался, и героическое выражение мгновенно сменилось паникой. Он беспомощно вскинул руки в стороны, пытаясь восстановить равновесие.

Лао Гун хмыкнул, глядя на беспомощно балансирующего мальчишку.

— Ну конечно, «спляплюсь», - скривился он, с насмешкой наблюдая, как Мо Юй отчаянно машет руками. — Даже со собственной стихией «сплявится» не можешь.

Он подошел, но не чтобы помочь, а скорее получить явное удовольствие от разворачивающегося зрелища.

— Ну что, «взлофлый», сам выберешься? - язвительно протянул он, скрестив руки на груди.

Но когда мальчик, несмотря на все усилия, лишь все глубже увязал в грязи, Лао Гун с театрально-страдальческим видом схватил Мо Юя за одежду, точь-в-точь как кошка, берущая котёнка за шкурку, и одним ловким рывком выдернул ребенка на твердую поверхность. Мо Юй, едва оказавшись на безопасной земле, тут же отпрыгнул на пару шагов, бросив на своего «спасителя» настороженный взгляд, полный сомнений в чистоте его намерений. Не проронив ни слова благодарности, он тут же принялся яростно отряхивать одежду от прилипших комков грязи, но те только противно размазывались на одежде и руках, лишь усугубляя беспорядок.

Лао Гун с полным отвращения взглядом наблюдал за этой суетливой деятельностью, пока Ши Мэньяо не нанес ему последний точный удар:

— Отведешь его в общественную купальню. Проследишь, чтобы он отмыл себя от этой грязи.

— Этот паршивец же всю общественную воду загадит, - процедил себе под нос Лао Гун сквозь стиснутые зубы.

Мо Юй, услышав это, надул щёки и пробормотал:

— Я не паршивец...

— Молчи! - резко оборвал его Лао Гун. — Раз шифу приказал... - он тяжело вздохнул и внезапно наклонился, оказываясь в паре цуней от испуганного лица Мо Юя. — Если попробуешь вновь утонуть в луже по дороге, я даже палец о палец не ударю, чтобы вытащить твою жалкую шкурку.

— Лао Гу-у-у-н... - устало протянул заклинатель, махнув рукой в ту сторону, где за далекими очертаниями черепичных крыш скрылся постоянный двор Сун Минцзэ. Этот жест так и говорил: «Давай уже быстрее».

Подросток более не проронил ни слова. Он отскочил на шаг назад и с грацией парящего дракона легко перепрыгнул через грязь, что ранее поглотила ногу Мо Юя, став природным капканом. Не оборачиваясь, Лао Гун зашагал прочь. Его стройная фигура постепенно растворялась в предрассветных сумерках, окрашенных в нежные персиково-сиреневые тона. Мо Юй остался стоять на месте, судорожно сжимая и разжимая перепачканными землей пальцами края не менее запачканной одежды, оставляя на ней темные разводы. Он переминался с ноги на ногу, неуверенно поглядывая то на удаляющего подростка, то на Янь Шэнли. С каждой тянувшейся минутой нежный свет менял свои тона, заливая все вокруг акварельными размывами розового и сизо-голубого.

Видя нерешительность ребенка, Янь Шэнли захотел развеять робкое сомнение. Его рука легла на голову мальчика и пальцы зарылись в его спутанные пряди, разглаживая их. Затем он плавно опустился на корточки, чтобы оказаться с ребенком на одном уровне. Его теплые, словно подогретый мед глаза смотрели прямо в испуганные Мо Юя.

— Я обещаю, что вернусь за тобой, - шепотом, чтобы никто больше не услышал, дал нерушимую клятву Янь Шэнли. Он опустил руку и поднялся с корточек, теперь уже смотря сверху вниз на темную макушку, легонько подталкивая мальчишку. — Поторопись, а то этот ворчун действительно скроется за поворотом, и тебе будет сложно его догнать.

В этот момент живот Мо Юя так не вовремя заурчал, нарушая интимность их момента. Уголки губ Янь Шэнли дрогнули, расцветая обворожительной улыбкой, подобно лучу солнца, пробившемуся сквозь хмурые тучи.

— Лао Гун тебя накормит, искупает, - продолжил он, делая паузу после каждого слова, чтобы ребенок успел осознать сказанное, — и уложит отдыхать в мягкую постель. Тебе нужно как следует поспать, чтобы набраться сил и поехать с нами в орден.

Глазки Мо Юя заискрились маленькими звездочки в ночном небе, а губки разомкнулись в восторге:

— Орден?!

Янь Шэнли кивнул и заулыбался пуще прежнего. Мо Юй вызывал в нем одно лишь умиление. Хотелось его лелеять и лелеять, прям как цветочек.

— Да, - прошептал он, наклонившись к самому уху мальчика, его голос приобрёл заговорщицкие нотки. — Тебя там ждет новая жизнь. Может быть когда-нибудь, когда подрастешь, ты и вовсе затмишь своими талантами Ши Мэнъяо, - парень хитро прищурился, наблюдая, как ребенок затаил дыхание. — А пока... терпеливо жди меня в постоянном дворе.

— Господин, спасибо вам... - застенчиво поблагодарил Мо Юй, уставившись на травинки под ногами и не решаясь посмотреть в медовые глаза.

Парень цокнул языком, наморщив нос:

— Да какой я тебе «господин»...

— Господин... - ребёнок замялся. Если не господин, то кто? Господин бессмертный? — Как вас зовут?

— Янь... - имя сорвалось с языка само собой, но он вовремя осекся, почувствовав легкий укол в висках. — Люй Сюин, - поправился он, заставляя губы произнести чужое имя.

— Люй-сюн! - радостно выкрикнул мальчишка, но тут же прикрыл ладошками рот. — Простите...

Янь Шэнли пожал плечами. Лао Гун и вовсе за это время, пока они болтали, отдалился на приличное расстояние. Изумрудная точка остановилась где-то вдалеке, и парень легонько подтолкнул Мо Юя в спину.

— Беги, тебя уже ждут.

□□□

Зябкий ветерок завывал между домами, поднимая пыль пустынных улиц и гнал сухой песок. Янь Шэнли, ёжась от утренней прохлады, старался поспеть за Ши Мэнъяо, чьи белоснежные одеяния, развеваясь на ветру, казались призрачными на безлюдной дороге. Ветер усилился, принося влажный запах надвигающегося дождя. Парень неосознанно повёл носом, вдыхая этот знакомый, почти ностальгический аромат. Прогибаясь под натиском эмоций, он на секунду прикрыл глаза. Эта предгрозовая свежесть была одной из немногих, что хоть как-то напоминала ему о другом мире, о его утерянном доме.

Куда они сейчас идут? Янь Шэнли настороженно водил взглядом по закрытым окнам, пытаясь разглядеть через тонкую бумагу силуэты притаившихся местных жителей. Сейчас деревня казалась вымершей - ни души, ни звука, кроме шелеста травы да звона колокольчика, висевшего на поясе у заклинателя.

Ши Мэнъяо слегка замедлил шаг, позволив Люй Сюину поравняться с собой. Он бросил короткий, оценивающий взгляд, и в бледном, рассеивающим тучами свете красивое лицо брата было изнурено усталостью. Она легла на его черты, как тончайшая лунная пыль на крыльях мотылька, придавая его хрупкой красоте болезненность и беззащитность.

Заклинателю все еще было тяжело свыкнуться с той мыслью, что перед ним стоит его шиди.

Тот словно выветрился из этого тела вместе с памятью, оставив лишь красивую оболочку с абсолютно чужим наполнением. Его движения, голос, манера держаться – всё было не тем.

Больше не было плавных, изящных движений, которые Люй Сюин когда-то так упорно оттачивал, часами стоя перед зеркалом. Копируя каждый изгиб брови, каждый поворот головы и даже ту самую отстраненную улыбку, что некогда украшала покойного главу Бэйшу.

«Шисюн, скажи, разве этот недостойный младший брат хоть немного похож на шицзуня¹, – смущенно вопрошал он, но в ответ получал лишь сдержанную усмешку. Тогда, вспыхнув от досады, он набрасывал на зеркало шёлковую парчу. — Ши-гэ², хоть бы раз не скупился на похвалу, я же так стараюсь!»

¹Самая вежливая форма обращения к учителю.

²Считаю, что этот нюанс в обращении Люй Сюина к Ши Мэнъяо не должен остаться незамеченным. Он передает их отношение друг к другу, а точнее, отношение Люй Сюина к своему шисюну. Ши-гэ = фамилия + 兄 (добавляется при обращении к человеку, старше говорящего. Значение: «старший брат»), но также это показывает неформальное, близкое отношение. Допустим, Мо Юй тоже обращается к Янь Шэнли, как 兄 (сюн – «старший брат»), но это обращение не считается близким, скорее больше уважительным, хотя оно так же это будет уместно при обращении к друзьям/близким. В общем, тут зависит от контекста. Так же есть и «шигэ» 师兄 – оно тоже значит старший брат/старший боевой брат, обращение внутри секты. Обращение «шигэ» передает более близкие отношения, чем формальное «шисюн». В ситуации Люй Сюина, он называет Ши Мэнъяо «шисюн», подчеркивая уважение, дистанцию и субординацию. Он использует «правильное» обращение, принятое в его секте, потому что мнение «старшего боевого брата» для него авторитетно. Но когда получает не ту реакцию, которую он ожидал, перескакивает с официального (старший ученик-младший ученик), на близкое. Он сбрасывает с себя роль «почтительного младшего брата», становясь капризным «младшим братом», упрекая «старшего брата» Ши Мэнъяо за недостаток внимания и похвалы. Это сердечное обращение прекрасно раскрывает их близость, когда эмоции берут вверх, когда никто не видит.

Ши Мэнъяо помнил, как находил его на рассвете в пустом тренировочном зале, когда даже цикады еще не начинали свои песни. Помнил, как тот, не замечая никого, повторял одно и то же движение снова и снова, пока мускулы не начинали дрожать от напряжения, пока кисть не сводило судорогой, а пальцы, наконец, не выпускали меч, что в ту же секунду со звонким лязгом стукнулся о каменный пол.

И тогда, заметив краем глаза молчаливую тень позади, он, не чувствуя ног, падал. А Ши Мэнъяо, пропустив испуганный удар собственного сердца, срывался с места, торопливо выставляя вперед руки.

И ловил.

Всегда ловил.

«Шисюн, хорошо получилось? В этот раз я справился? – запыхавшийся, спрашивал он тогда, бессильно опираясь на старшего. — У меня не получается зарядить амулет, но мой клинок! Он быстрее выпущенной стрелы рассекает воздух!»

В его глазах в этот момент разгорался такой огонь, в котором потонуть было страшно. Это был свет, необузданный, способный ослепить и сжечь дотла. Даже Ши Мэнъяо, одаренный самими небесами, чей путь был прямым и гладким, порой чувствовал себя воробьем, осмелившимся взглянуть на парящего феникса.

Больше не было того мелодичного, бархатного голоса, который по вечерам, под сенью многовековой мудрой ивы, лился тихими, гармоничными песнями только для него одного. Те напевы, что Люй Сюин подслушивал у бродячих артистов, когда тайком спускался с пика горы Цэньлянь в город, рассказывали о падших империях, о некогда великих и недосягаемых богах, о любви между бессмертным и демоном, что неизменно оборачивалась в кровавое предательство и сломанные клятвы. Он пел, сидя на поросшем мхом камне, отполированным ветрами за тысячу лет, а Ши Мэнъяо делал вид, что медитировал, прислонившись к шершавому стволу старой ивы, изображая расслабленный, но сосредоточенный вид. А на самом деле он слушал, затаив дыхание, чувствуя, как каждая интонация, каждая малейшая вибрация в голосе, свойственная только его шиди, сладостно обволакивала его органы, подобно подогретому вину. Это было их маленькой, сокровенной тайной, свидетелями которой были лишь полыхающий закат и спускающийся в долины туман.

Теперь же этот новый шиди был резок, угловат, его слова обрубались, а взгляд метался, выдавая внутреннюю панику, которую он тщетно пытался скрыть.

Но самое сложное, что Ши Мэнъяо просто не был в силах понять – почему в теле шиди не ощущается та былая мощная, волнующаяся, как океан, сила? Теперь заклинатель чувствовал лишь тонкий, едва текущий ручеек ци, настолько слабый, что его с трудом можно было почувствовать. Если бы они не были некогда близкими, если бы Ши Мэнъяо не знал каждую черту этого лица, каждую вибрацию энергии, он бы поклялся, что перед ним стоит самый обычный человек, не имеющий к великому заклинателю Люй Сюину никакого отношения.

— Куда мы идём? – осторожно спросил Янь Шэнли, не сводя глаз со спины мужчины.

Впереди у поворота тропы стояла стройная женская фигура в простых, но опрятных одеждах. Ее изящные пальцы держали бамбуковую корзину, полную свежих целебных трав, а взгляд, скрытый печалью, был устремлён в сторону горных троп. Ши Мэнъяо замедлил шаг, когда увидел изящный силуэт впереди.

— Подожди здесь, – почти бархатно бросил он Люй Сюину.

Сапфиры скользнули по изящному силуэту, задержались на вздымающейся груди и на миг встретились с робким, но исполненным скрытого интереса взглядом. Янь Шэнли застыл в изумлении, наблюдая, как вечно строгий заклинатель совершенно преобразился. Ши Мэнъяо приблизился к женщине и совершил изысканный приветственный жест. Его всегда холодное

выражение лица, немедленно смягчилось улыбкой, какой Янь Шэнли еще не видел прежде.

— Прекраснейшая из цветов, не смею ли я прервать твои утренние размышления? – сладко проговорил заклинатель.

Девушка вспыхнула, как первый луч на востоке, печаль в ее глазах растаяла:

— Благородный господин слишком щедр на похвалы, эта тихая женщина лишь собирает травы для отвара.

— Госпожа, позвольте поинтересоваться, – томно продолжил Ши Мэнъяо, делая шаг ближе, — не слыхала ли ты о печальной участи одной молодой матери с младенцем? Поговаривают, их души до сих пор не могут обрести покой в этих местах.

— Боюсь, благородный господин, – её дыхание стало чуть слышным, — что некоторые тайны требуют особой... обстановки для обсуждения, однако...

Их разговор длился добрых пятнадцать минут, наполненных многозначительными паузами и красноречивыми взглядами. Ши Мэнъяо наклонялся ближе, когда девушка переходила на шепот. Он внимательно слушал, кивая, его выражение лица менялось от сочувствия к глубокой задумчивости. Заклинатель задавал уточняющие вопросы, и временами даже тихо смеялся в ответ на какую-то её осторожную шутку о капризах местных духов. С каждым разом его улыбка становилось все более раскованной, когда дама будто нарочно то и дело задевала своей грудью руку заклинателя.

Янь Шэнли, наблюдая за их флиртом, был совершенно сбит с толку, совсем не догадываясь о настоящей натуре Ши Мэнъяо.

[Голосовой помощник]: — Обнаружена аномалия в поведении ключевого персонажа. Уровень харизмы повысился на 300%. Интересно, это врождённый талант или приобретённый навык?

«Да он обычный распутник... Минуту назад хоронил несчастного, а теперь флиртует с первой же встречной!» – мысленно возмутился Янь Шэнли.

Наконец их разговор подошел к концу. Девушка с благодарностью поклонилась, а затем неожиданным движением вынула из своих уложенных волос простую, но изящную деревянную шпильку.

— Пусть эта вещица станет напоминанием о нашей утренней встрече, – она протянула украшение, и в ее узких, как молодые месяцы, глазах зажглась хитрая искорка. — Может быть, когда-нибудь именно она напомнит вам об этой тихой женщине.

Ши Мэнъяо почтительно принял дар, пряча украшение в глубокий карман своего рукава.

— Твоя доброта согрела это холодное утро.

Когда заклинатель вернулся, Янь Шэнли заметил приподнятое настроение Ши Мэнъяо и едва уловимую улыбку от недавнего флирта.

— Иногда самые ценные сведения скрываются за самыми прекрасными улыбками, - завел он руки за спину, двинувшись в совсем противоположную сторону.

Ши Мэнъяо первым развеял все вопросы, что еще не успел произнести его шиди:

— Несколько месяцев назад здесь умерла целая семья от неизвестного недуга. И что примечательно... почти сразу после этого селение начал мучать демон.

Думалка у Янь Шэнли работала прекрасно. Он собрал все, что поведал ему Мо Юй о своих снах, и то, что слышал от других воедино.

— Вы хотите сказать, что демоница и есть погибшая женщина? - медленно проговорил он. — Но как тогда с ней связан Мо Хаожань?

Первый тяжёлый удар грома прокатился над их головами, словно подтверждая мрачные догадки.

— Местные шептались, что несчастный выглядел так, будто несколько лет пребывал в загробном мире. На его теле почти не было кожи, недуг разъедал его плоть постепенно. И как поведал мне прекрасный цветок, даже в их дом нельзя было войти из-за тошнотворного запаха разлагающейся плоти.

— Так может, демонов двое, а не один, как мы думаем? Раз сын Мо Хаожаня видел и этого мужчину, и саму демоницу...

— Возможно, но маловероятно, - Ши Мэнъяо покачал головой. — Семья была небогатая, поэтому денег на лекарства и осмотр лекаря у них не было. Что могла сделать женщина с новорожденным ребенком, оставшись совсем одна? Она решила обратиться за помощью к главному лекарю, рассчитывая на то, что у мужчины дрогнет сердце. Но Мо Хаожань не смягчился и отказал в помощи. По какой причине - остаётся загадкой. Хотя, как главный лекарь, он обязан был хотя бы осмотреть больного, чтобы оценить риски распространения заразы.

Второй удар грома прозвучал ближе, и первые тяжёлые капли дождя упали на землю.

— И этот недуг, - продолжил заклинатель, — поразил не только мужчину, но и вскоре перешёл на ребёнка. Как ты уже успел догадаться, вскоре оба умерли. Не выдержав горя, женщина перерезала себе горло прямо в доме, рядом с телами своей семьи. Случилось это в день

великого затмения.

Слушать это в тишине наступающего утра было особенно жутко. Янь Шэнли шёл следом, перерабатывая информацию и погружаясь в свои мысли. Почему же главный лекарь отказал в помощи бедной женщине? Может быть, он был слишком жаден до денег? Но поместье господина Мо было отнюдь не из бедных. С одной стороны ему было жаль Мо Хаожаня и его сына, но с другой... из-за его чёрствости погибла целая семья. Даже если бы он не мог их вылечить, он мог хотя бы попытаться!

Янь Шэнли нахмурился, всё ещё не понимая одной детали:

— А что не так с затмением?

Немного подумав, Ши Мэньяо ответил так, словно зачитывал заученный материал:

— Солнце всегда символизировало властителя и добродетельное управление империей, а его свет — нравственность. Если с солнцем происходят изменения, значит, государь нарушил три добродетели: пренебрёг долгом, сотворил недобрые дела и утратил человеколюбие, навлекая беду на народ.

Заклинатель провёл рукой по воздуху, и маленький колокольчик на его поясе тонко зазвенел. Вибрация, порожденная им, в тот же миг материализовалась в воздухе, сплетая из собственной ци Ши Мэньяо невидимый барьер. Дождь, со всей своей природной силой обрушившейся на них с небес, встречал незримое препятствие. Каждая капля, ударяя о него, порождала едва заметную рябь, расходящуюся по идеально гладкой поверхности энергетического купола.

— После открытия разлома затмение приобрело... иные свойства. Оно подпитывает неуспокоенные души, наполненные злобой, насыщая их тёмной ци, — заклинатель понизил голос, став говорить чуть тише. — Но у таких существ всегда есть слабое место — для баланса. Что в нашем случае упрощает их поимку.

Ши Мэньяо смутно помнил Цуфэн до открытия разлома. Её былое величие стёрлось из памяти, и лишь во снах иногда являлись оживлённые улицы, где за несколько медяков можно было купить самую сладкую хурму на свете. Много лет прошло с тех пор. Империя изменилась до неузнаваемости, разделившись на четыре провинции, каждая под властью сильнейшего ордена. Бэйшу не был исключением, подчинив себе юг и юго-восток, а провинция гордо носила название Юэгуан.

Чем больше Янь Шэнли узнавал об этом мире, тем отчётливее становилось его отчаянье. Чтобы выжить, нужно овладеть техникой меча, научиться управлять духовной энергией, контролировать меридианы и годами трудиться, чтобы сформировать золотое ядро... Ко всему прочему добавлялись и боевые искусства, и глубокое знание даосских учений. Как он, обычный парень из современности, где в совершенстве можно овладеть боевыми искусствами только в компьютерных играх, добьется успеха здесь?

Он никогда не жаловался на свою прежнюю жизнь и не стремился её менять. Так почему же сейчас его против воли заточили в этот роман?! От этих мыслей его вдруг прорвало нервным смехом. Почти истеричный хохот вырвался из груди, сотрясая все тело. Янь Шэнли смеялся над всей абсурдностью и комичностью ситуации, а еще над судьбой, что забросила его в самый центр насилия и магии.

Вот бы он сразу все это умел!

Лучше бы он переродился в теле императора Линь. Конечно, судьба у того была тяжелой и даже после смерти покойного не уважали, но зато он жил в свое удовольствие. В то время и ограничений на количество жен не было.

От такой неожиданной реакции шида Ши Мэнъяо застыл как вкопанный, посмотрев на Люй Сюина с выражением человека, впервые в жизни увидевшего перед собой безумца. Постояв в нерешительности, он все же двинулся дальше, ускорив шаг, словно пытаясь дистанцироваться от неадекватного спутника.

«Он и рассудка лишился...» – обреченно подумал заклинатель, увеличивая расстояние между собой и уххатывающимся Люй Сюином.

Пока Ши Мэнъяо пустым взглядом смотрел куда-то вдаль, Янь Шэнли в душе метался из одного угла в другой, взывая к системе:

«Бию! Неужели мне в самом деле придётся учиться всем этим заклинательским штучкам и вникать в даосские премудрости?!»

Янь Шэнли совсем не желал во все это лезть, но, тем не менее, уже варился в этом котле. Он с ужасом представил себе годы изнурительных тренировок, опасные эксперименты с ци и неуклюжие, унижительные уроки с мечом. В его сознании возникли картины, что так любезно нарисовало воображение. Как он по неопытности сворачивает себе шею во время неудачного приземления с высоты или случайно отрубает палец при обращении с мечом. Процесс обучения должен был идти под четким руководством знающего человека, который бы следил за тем, чтобы ученик случайным образом не заработал себе травму.

Наконец система соизволила снизойти к своему пользователю и ответила:

[Голосовой помощник]: — Задача пользователя поменять сюжет и не допустить слияния двух миров.

Янь Шэнли уже успел пожалеть, что спросил об этом дрянную систему, так хотя бы он и остался со своими предположениями наедине. Плечи бессильно опустились, и он замолчал, покорно следуя за удаляющейся спиной Ши Мэнъяо, уже предчувствуя грядущие испытания.

Прохладный ветер, смешанный с крупными каплями дождя, трепал растрёпанные волосы Янь Шэнли. Молодой человек нетерпеливо закинул выбившиеся пряди за ухо, пытаясь хоть как-то сохранить обзор. Они стояли перед ветхой лачугой, которую время и непогода довели до плачевного состояния: прогнившая крыша проседала под тяжестью дождевой воды, стены покосились, высокая трава почти скрыла вход. Вся территория была усеяна разным хламом, а единственная калитка висела на последних издыхающих петлях.

Это зрелище вызвало лишь один вопрос:

«Как все это еще не развалилось?..»

Им не пришлось даже прилагать усилий, чтобы проникнуть на территорию дома. Ши Мэнъяо лишь слегка толкнул калитку, и та с жалобным скрипом отворилась, пропуская их во двор. Янь Шэнли шмыгнул следом, сразу же оказываясь по щиколотку в мокрой от дождя траве. Он с тревогой смотрел на старую развалину, мысленно умоляя, чтобы Ши Мэнъяо даже и не думал заходить внутрь. К его облегчению, заклинатель обошёл строение стороной, направляясь к заднему двору. Там, среди зарослей, виднелись два простых могильных камня, почти скрытые буйной растительностью.

Янь Шэнли нахмурился, рассматривая надгробья.

— Это они?

Ши Мэнъяо молча кивнул.

Заклинатель ясно ощущал ту же тёмную энергию, что исходила ранее от лекаря Мо. Он неспешно обвел взглядом местность, пытаясь определить её источник. Энергия будто сочилась из-под земли, но в то же время витала в воздухе. Наконец, его внимание привлекло большое раскидистое дерево, у корней которого рос необычный черно-золотой цветок, испускающий слабое свечение. Ши Мэнъяо с облегчением вздохнул – источник найден.

Но если они уничтожат цветок сейчас... это может повлечь скорейшую гибель и демона, и Чан Хи, который и так с трудом дышал, и всех остальных, на кого пала скверна. Значит, трогать его было нельзя. Ши Мэнъяо перевел взгляд на Люй Сюина, который, зачарованный красотой, наклонился к растению.

— Какой красивый... – прошептал Янь Шэнли, разглядывая изящные лепестки необычного цвета.

Его рука сама потянулась к цветку, но Ши Мэнъяо резко схватил его за запястье:

— Не трогай, если не хочешь повторить судьбу Мо Хаожаня, – сурово предупредил заклинатель, отпуская руку Люй Сюина. — Мы останемся здесь до ночи.

Ши Мэнъяо не был лекарем и не владел техниками, позволяющими увидеть состояние золотого ядра Люй Сюина, но сейчас его слабая ци играла им только на руку. Успех поимки демона, терроризирующего селение, зависел исключительно от шиди. Мужчина потер точку меж бровей и обратился, нет, скомандовал Люй Сюину:

— Ты поймаешь демона.

От такого приказного тона и такой ответственности, которую без спроса взвалил на него Ши Мэнъяо, челюсть Янь Шэнли просто отвисла. Ему не слышалось? Парень замотал головой и отступил назад, поднимая руки в защитном жесте:

— О, нет! Я не собираюсь жертвовать своей жизнью, чтобы помочь левому мужику с поимкой какого-то демона. Ищи другого дурака!

Янь Шэнли развернулся на месте и, совсем забыв о духовных оковах, дал деру. Невидимая цепь рывком отбросила его назад. Парень, споткнувшись о мокрые могильные камни, грузно рухнул на землю, перекатившись через надгробия. Над ним возвысилась разгневанная фигура Ши Мэнъяо, прожигая Шэнли ледяным взглядом:

— Даже если ты ничего не помнишь, ты остаёшься членом ордена Бэйшу! – прорычал заклинатель так, что голос перекрыл шум дождя. — Мы воспитывались одним учителем! Отсутствие памяти не снимает с тебя обязанностей! Не позорь орден и делай, что тебе говорят!

От этих внезапно брошенных, полных гнева слов Янь Шэнли буквально вжался в мокрую землю, будто пытаясь провалиться сквозь нее. Что-что, а вот такого от сдержанного Ши Мэнъяо он не ожидал.

Получается, не такой уж он и правильный?

Испуганные глаза Люй Сюина немного остудили пыл Ши Мэнъяо. Он глубоко вдохнул влажный воздух и продолжил уже спокойнее:

— Я не смогу незаметно проникнуть в созданный ею мир, – честно признался заклинатель. — В отличие от тебя.

— Что в отличие от меня?..

Ши Мэнъяо раздраженно вздохнул, объясняя очевидное:

— В тебе настолько слабая духовная энергия, что не связывай нас давние отношения, я бы принял тебя за простого смертного.

Янь Шэнли переполняли противоречивые эмоции. Брови то хмурились, то расслаблялись, словно он не мог решить, радоваться этому известию или огорчаться.

— Так во мне... нет духовной энергии?

— Есть, - Ши Мэнъяо поджал губы, — но её едва хватает.

Вроде бы и обрадоваться ему нужно, что почти остался таким же человеком, которым он был в прошлой жизни, но, если посмотреть на это иначе, разве в этом заклинательском мире он не превратился в беззащитную гусеницу? Но опять же... система говорила о каких-то там навыках, которые можно купить за баллы. Значит, не все потеряно?

Он внимательно посмотрел на заклинателя, взвешивая все варианты, и выдвинул своё условие:

— Если я поймаю тебе демона, мы заберем мальчишку с собой, и... ты снимешь с меня этот браслет.

Янь Шэнли поднял запястье с серебряным браслетом. Несколько секунд размышляя, заклинатель уточнил:

— Мальчика заберём, - наконец произнёс он. — Но только в качестве слуги, — его взгляд упал на браслет. — А это... не сниму.

В глубине души заклинатель и сам испытывал жалость к ребёнку. Да и Люй Сюин, судя по всему, успел привязаться к сироте. Ши Мэнъяо вспомнил слова мудрецов о том, что потерявших память нужно окружать заботой. Но кто всерьёз станет этим заниматься? Конечно, можно поручить это ученикам... но как отнесётся к этому сам Люй Сюин? Не будет ли это бесполезной тратой сил?

Янь Шэнли тихо фыркнул. Ну конечно, не снимет. О чём он вообще мечтал? Но хоть мальчика заберут - это уже маленькая победа! Поднявшись с промокшей земли, он энергично встряхнулся, как мокрая собака.

— Ладно, по рукам! - сказал он с неожиданным энтузиазмом. — Я готов, что делать?

□□□

Приятный сладкий аромат, исходящий от курильницы, окутывал двух человек, сидевших при лунном свете напротив зловещего золотого цветка. Янь Шэнли скептически разглядывал протянутые Ши Мэнъяо тонкие, темные перчатки, лениво вертя их в руках.

— Зачем они мне? - наконец спросил он, не спеша надевать.

Заклинатель усмехнулся, кивая в сторону надгробий.

— Не оголяй руки. Если дотронешься до чего-нибудь в том мире – это станет последним, что ты почувствуешь, прежде чем твоя душа разлетится на мириады частиц.

Парень тут же попытался вернуть перчатки обратно:

— Знаешь, я передумал.

[Голосовой помощник]: — Дорогой пользователь, поздравляю! Получено скрытое достижение «Юная дева с сюрпризом»!

«Я???»

— А знаешь, забудь, что я сказал! – Янь Шэнли злостно выхватил перчатки обратно и небрежно натянул их на руки.

— Хватит тянуть кота за яйца, начинаем! – рявкнул он, плюхаясь на влажную от недавнего дождя траву.

Брови Ши Мэнъяо поползли вверх от такой грубости. Он даже на мгновение растерянно огляделся в поисках мифического кота, что заставило Янь Шэнли раздражённо закатить глаза.

«Идиот...»

Покашливая для приличия, заклинатель снял с шеи тонкую цепочку с изящной подвеской – это был маленький серебряный шарик из ажурной решетки.

— Тебе нужно надеть это ей на шею, – объяснил Ши Мэнъяо, протягивая «кулон». — Тогда артефакт сделает свое дело, и душа демоницы окажется в заточении.

Янь Шэнли вздернул бровь, недоумевая:

— И как, по-твоему, я должен это сделать? Не попрошу же вежливо: «Госпожа демоница, примите этот дивный аксессуар в дар от этого скромного поклонника. Наклонитесь и позвольте вам надеть его!»

Ши Мэнъяо лишь развёл руками. Артефакт действительно был капризным. Он работал только при непосредственном контакте с шеей демона. Не самый практичный, но невероятно эффективный метод. Честно говоря, заклинателю ещё ни разу не доводилось им пользоваться. Эта безделушка годами пылилась в его покоях, подарок от главы ордена, который почему-то

решил, что Ши Мэньяо пригодится такая диковинка. Уезжая на задание, он на всякий случай захватил её с собой.

Аккуратная подвеска была передана Янь Шэнли, который теперь ее внимательно рассматривал. Он был уверен, что на него просто спихнули всю грязную работу, но раз уже согласился, деваться было некуда. Молодой человек прикрыл веки, и яркая белая вспышка заполонила его сознание.

<http://bllate.org/book/17378/1629816>